

А. А. Мелик-Пашаев

О человеке-творце и психологии творчества

Александр Александрович Мелик-Пашаев

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия,
zinaidann@mail.ru

АННОТАЦИЯ: Многие видные богословы и священнослужители говорили о необходимости преодолеть исторически возникший разрыв «религиозной» и «светской» культуры и отмечали взаимную заинтересованность сторон в таком преодолении. В данной статье делается попытка обосновать возможность решения этой задачи на примере понимания феномена творчества и человека как творца — проблемы, значимой и для религиозного сознания, и для психологической науки. Выдвигается тезис, что любое «строгое» психологическое исследование покоится на том или ином аксиоматическом, принятом на веру, представлении о сущности человека. В данном случае таким основанием является понимание человека как творца по природе, которого Творец мира призвал к бытию для сотворчества с Ним в седьмом дне творения. Это не заменяет психологических исследований процессов творческого развития человека в условиях его земной жизни, но придает им «вертикальное измерение»: позволяет увидеть, *что* на самом деле проявляется в изучаемых явлениях. С этих позиций в статье рассматриваются некоторые научные исследования, значимые для общего понимания творческой природы человека и путей ее актуализации (В. В. Зеньковский, А. А. Ухтомский), а также специально посвященные изучению и описанию психологических характеристик людей, ярко одаренных в различных областях деятельности (Ф. Гальтон, А. Маслоу и др.) Особое значение придается анализу самоотчетов и высказываний больших ученых, педагогов, деятелей искусства. Сопоставление этих источников показывает, что в психологическом облике и жизненном

поведении выдающихся творцов проявляются аскетические черты. В соприкосновении со «сверхличным» преодолеваются эгоцентрические качества, свойственные многим из этих людей в повседневной жизни. В своем служении сверхличным ценностям они разными путями подходят к порогу осознанного религиозного опыта, а нередко и переступают этот порог. Их творчество в многообразных формах «светских» наук и искусств может становиться свидетельством присутствия Бога, «производящего всё во всех».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: творчество, одаренность, психология творчества, свобода, детерминация, религиозная культура, светская культура, сверхличные ценности

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мелик-Пашаев А. А. О человеке-творце и психологии творчества // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 47. С. 123–139. https://doi.org/10.25803/26587599_2023_47_123.

A. A. Melik-Pashaev

About the creator man and the psychology of creativity

Alexander A. Melik-Pashaev

**Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
zinaidann@mail.ru**

ABSTRACT: Many prominent theologians and clergymen spoke about the need to overcome the historically arisen gap between “religious” and “secular” culture and noted the mutual interest of the parties in such overcoming. This article attempts to substantiate the possibility of solving this problem by the example of understanding the phenomenon of creativity and man as a creator — a problem significant both for religious consciousness and for psychological science.

A provision is put forward that any “strict” psychological research is based on one or another axiomatic, accepted belief about the essence of man. In this case, such a basis is the understanding of man as a creator by nature, whom the Creator of the world called into being to co-create with Him on the seventh Day of Creation. This does not replace psychological studies of the processes of creative development of a person in the conditions of his earthly life, but gives them a “vertical dimension”: it allows you to see what is actually manifested in the phenomena under study. From these positions, the article discusses some scientific studies that are significant for a general understanding of the creative nature of a person and the ways of its actualization (V. V. Zenkovsky, A. A. Ukhtomsky), as well as

specially devoted to the study and description of the psychological characteristics of people who are brightly gifted in various areas of activity (F. Galton, A. Maslow, etc.). Special importance is attached to the analysis of self-reports and statements of great scientists, teachers, artists.

A comparison of these sources shows that ascetic features are manifested in the psychological appearance and life behavior of outstanding creators. In contact with the “superpersonal”, the egocentric qualities inherent in many of these people in everyday life are overcome. In their service to suprapersonal values, they approach the threshold of conscious religious experience in different ways, and often even cross this threshold. Their creativity in various forms of “secular” sciences and arts can become evidence of the presence of God, “producing everything in everyone”.

KEYWORDS: Creativity, giftedness, psychology of creativity, freedom, determination, religious culture, secular culture, superpersonal values

FOR CITATION: Melik-Pashaev A. A. (2023). “About the creator man and the psychology of creativity”. *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, iss. 47, pp. 123–139.
https://doi.org/10.25803/26587599_2023_47_123.

Дары различны, но Дух один и тот же;
и служения различны, а Господь один и тот же;
и действия различны, а Бог один и тот же,
производящий всё во всех.

1-е Коринфянам 12:4–6

Я хотел стать теологом,
но сейчас я вижу, как Бог прославляется
через мой труд в астрономии,
так как небеса возвещают славу Божью.

*Иоганн Кеплер. Письмо к Михаэлю Мёстлину
от 3 октября 1595 года*

Введение

Необходимость преодолеть исторически возникший разрыв, даже противостояние двух культур, которые можно, с долей условности, назвать «религиозной» и «светской», считали важнейшей задачей своего времени такие русские религиозные философы и богословы, как о. Сергей Булгаков [Булгаков], о. Василий Зеньковский [Зеньковский 2008], о. Александр Шмеман [Шмеман], митрополит Суражский Антоний [Антоний (Блум)]. Греческий

богослов Демосфен Саврамис утверждал, что силы христиан должны быть направлены на христианизацию всех ценностей цивилизации и на расширение христианского мировоззрения и мироощущения. О первом и о втором автор писал как о двух взаимосвязанных задачах или как о двух измерениях единого процесса: «вертикальном» и «горизонтальном», возвышающем и расширяющем [Саврамис, 26]. Священник Георгий Кочетков говорит о *взаимной* заинтересованности в преодолении возникшего раскола, так как без светской культуры ученый монашеско-аскетический мир может редуцироваться — точно так же, как без духовной культуры редуцируется светский мир [Кочетков, 16].

Данная статья не претендует на решение масштабной задачи преодоления этого разрыва, но представляет собой скромную попытку обосновать *самую возможность* ее решения на примере проблематики, значимой и для *религиозного сознания*, и для *психологической науки* — проблематики творчества и человека как творца¹. Предложенный подход может быть востребован и в рамках гуманитарной психологии, и в сфере христианской антропологии, а также в творчески ориентированной педагогике.

Аксиоматические основания гуманитарной психологии

Одним из серьезных препятствий для устранения отчуждения, возникшего между светской наукой и духовной культурой, остается преобладающее в научном сообществе убеждение, чтобы не сказать — вера, что знание должно основываться исключительно на каузальной логике, на объективной детерминации изучаемых явлений (что предполагает их *несвободу*), и не зависеть от личного, «субъективного» опыта человека. Такие нормативы научности делают наиболее существенные содержания нашей внутренней жизни, в том числе то, что связано с творчеством и с религиозным опытом, принципиально недоступными для психологии, трансцендентными ей и даже ставят под вопрос право гуманитарной психологии называться наукой².

1. Отдельно нужно говорить о взаимопонимании двух культур в области искусства. В качестве положительного примера приведу книгу А. М. Копировского [Копировский], который исходит из того, что сущность любого искусства не в его тематике или стилистике, а, по выражению автора предисловия В. В. Бычкова, в его духовности и эстетическом качестве.

2. О гуманитарном знании как *инонаучном* см.: [Бахтин]. См. также работу В. Дильтея, поставившего вопрос о принципиальном отличии гуманитарного, «понимающего» познания от естественнонаучного, «объясняющего» [Дильтей].

Во многом по этой причине отношения психологии и религии в вопросах познания человека складываются, за редким исключением, более как корректное сосуществование в разных измерениях, чем как плодотворное синергичное взаимодействие.

Многие позитивистски настроенные ученые искренне считают, что наука не занимается, да и не должна заниматься, «началами и концами» изучаемых ею явлений и процессов. Действительно, явление, которое не находится в актуальном поле зрения исследователя, не может быть представлено как объект и воспроизведено в эксперименте, не может стать предметом научного исследования в строгом его понимании независимо от личного мировоззрения самого ученого. Но парадокс заключается в том, что любое, самое строгое и доказательное психологическое исследование строится на основании какого-либо недоказуемого, *принятого на веру* представления о главном — о сущности человека, о том, «для чего мы рождены, откуда и куда идем»³. То есть о тех самых началах и концах, которыми наука «не занимается».

Это основание не выводится в качестве необходимого следствия из чего-либо установленного прежде, а ответственно *полагается* автором, чем предопределяются направление, границы, а в определенном смысле и результаты работы ученого⁴. Что же касается истинности избранного основания, то ее меру определяет то, какому кругу доступных изучению явлений оно позволяет дать разумное объяснение. Значит, взаимодействие «доказуемого и недоказуемого» в познании человека не только в принципе возможно, но неустранимо и *de facto* всегда присутствует.

На каком же исходном, аксиоматическом представлении будут основаны дальнейшие размышления? Я буду исходить из того, что человек — это творец по природе, которого Творец мира призвал к бытию для сотворчества с Ним в седьмом дне творения; что способность творить — это «свойство человека, *яснее всего делающее его родным Богу*» (курсив мой. — А. М.-П.) [Антоний (Блум), 9]; что, следовательно, дар творчества и неотъемлемая от него свобода — это и норма, и призвание человека, как бы печать

3. «Quod nati sumus, unde et quo pergimus» (лат.) (Франческо Петрарка «О невежестве собственном и многих иных» (1368)).

4. Он может поверить, например, что внутренний мир человека — это продукт высокоразвитой материи мозга, или принять противоположное,

столь же недоказуемое основание: человек — это совокупность всех общественных отношений. И то, и другое станет прокрустовым ложем для всего, что не получает объяснения в рамках данной парадигмы.

принадлежности каждого из нас к роду человеческому, и в то же время знак нашего сыновства Творцу.

Разумеется, такой общий взгляд «сверху» не отменяет и не заменяет того, чем занимается психология творчества: изучение условий, этапов, противоречий, признаков, индивидуальных особенностей того, как осуществляется потенциал человека-творца в пространстве и времени земной жизни, в ее «полумраке», как любил говорить митрополит Сурожский Антоний. Но этот взгляд, с одной стороны, придает таким исследованиям «вертикальное измерение»: позволяет ученому увидеть, понять, соприкоснуться с тем в человеке, что на самом деле ищет осуществления в изучаемых им явлениях. С другой — высвечивает в самих изучаемых феноменах и процессах многое, что, по слову Д. Саврамиса, и ожидает христианизации, и сулит «расширение христианского мировоззрения и мироощущения» [Саврамис, 26].

Творческая природа человека и пути ее актуализации (В. В. Зеньковский, А. А. Ухтомский)

В подтверждение сказанного приведем несколько примеров. Ранняя работа В. В. Зеньковского «Проблема психической причинности» [Зеньковский 1914] была посвящена проблематике творчества и одаренности. Она ясно показывает, что исходное понимание человека как творца может не просто сосуществовать с научным анализом психологических данных, но и подтверждаться этим анализом.

Известный богослов, философ, педагог и священник В. В. Зеньковский начинал свой путь как академический психолог. Будучи уже в те годы верующим человеком, он обосновывал свои научные идеи не авторитетом Писания, а добросовестным анализом данных науки, что не приходило в противоречие с его христианским мировоззрением, но скорее помогало осмыслить эмпирические данные, обрамляя их понимающим видением все тех же «начал и концов».

Анализируя обширные данные исследований психических процессов, В. В. Зеньковский увидел в них свидетельство того, что человеку изначально свойственна *внутренняя энергия* (или *внутренняя активность*) души. Энергия, которая проявляется не в реакции на внешние стимулы, не в приспособлении к объективным условиям существования, а действует *по внутренней необходимости*, а, значит, свободно. Она избирательно, телеологически

преобразует в соответствующем направлении всю совокупность объективных воздействий и ограничений, которым подвергается человек. Так, не занимаясь проблематикой творчества, В. В. Зеньковский дал убедительное общее определение того, что характеризует каждого приходящего в мир человека как творческое существо.

Описанная В. В. Зеньковским энергия души сама по себе не имеет какой-либо специальной направленности: это универсальная способность/потребность человека *в творчестве как таковом*. Можно представить, как по совокупности причин, обсуждение которых увело бы нас далеко от темы статьи, она в каждом конкретном случае дифференцируется, выбирает приоритетное для себя русло и актуализируется в том или ином виде творчества, представленном в наличной культуре. По мере актуализации эта энергия все более полно и осознанно определяет строй жизни человека, отстраняя или трансформируя все, что препятствует ее максимально возможному осуществлению в науке, в искусстве, в общественном служении и т. д.

Очень важно, что при таком подходе творческий потенциал, сам по себе трансцендентный научным методам познания, реализуется, объективируется не «явочным порядком», не извне, как *deus ex machina* позднего античного театра, а благодаря внутреннему преобразованию конкретных и доступных изучению психологических качеств человека.

Такое понимание «энергии души» находит поддержку в учении о доминанте, разработанном русским религиозным мыслителем и великим физиологом А. А. Ухтомским [*Ухтомский*]⁵. В интересующем нас аспекте доминанта представляет собой некий орган творческой реализации того, что В. В. Зеньковский назвал внутренней энергией души. Доминанта «отменяет» наши обычные реакции на те или иные впечатления, модифицирует их в определенном направлении, преобразует психику человека в целом и позволяет ему видеть в бесконечном окружающем мире именно то, что станет материалом *его* творчества, что идет навстречу *его* запросу. Она создает картину мира живописца, математика или творца в иной сфере жизни и культуры — такого мира, который как бы ожидает его творчества и предоставляет для этого материал. Тогда оказывается, что композитор живет в мире, где все «хочет стать музыкой» [*Жирнарская, 253*]; что «математическая

5. О доминанте см. также: [*Мелик-Пашаев*].

направленность ума», отличающая одаренного математика, позволяет ему видеть тот же самый мир под углом зрения математических отношений [*Крутецкий*] и т. д.

Психология творчества и одаренности (Ф. Гальтон, А. Маслоу)

Историю психологических исследований, непосредственно посвященных проблематике творчества и одаренности, т. е. «способности/потребности» человека в творчестве, принято вести от трудов разностороннего ученого XIX в. Ф. Гальтона. Сопоставляя биографии и психологические характеристики множества людей, ярко проявивших себя в разных областях деятельности, Ф. Гальтон пришел к выводу, что главное и общее в них — это постоянная, преодолевающая все трудности приверженность своему делу. Он характеризует одаренного человека как

такую натуру, которая, побуждаемая *внутренне присущим ей стимулом*, будет взбираться по тропе, ведущей вверх, и у которой достанет силы достичь вершины. Такую, которая, столкнувшись с чем-либо, что ей мешает или противится, будет мучиться и бороться, пока не преодолеет препятствие и не сможет снова свободно следовать своему инстинкту трудолюбия [*Galton, 37–38*].

(Замечу попутно, что наш современник, известный психолог Дж. Рензулли, подчеркивая значимость аналогичного качества одаренных людей, определил его в принципе так же — *вовлеченность в задачу* — *task commitment* [*Renzulli, 75*].)

Сегодня вывод Ф. Гальтона воспринимается как внешняя констатация существования «*чего-то*», требующего более глубокого понимания. Что это за «внутренне присущий стимул», который побуждает человека трудиться и преодолевать препятствия? (Мы можем сказать: внутренняя энергия души, присущая человеку как творцу по природе, стремящемуся умножить дарованный ему талант). Каким образом приверженность делу музыканта или врача, математика или педагога приводит к значимым объективным достижениям в соответствующей области? (Мы можем сказать — благодаря действию доминанты, которая превращает всю психику устремленного к цели человека в совокупность способностей к тому или иному виду творчества).

Но странно было бы ожидать ответа на все эти вопросы от пионера исследований одаренности, положившего начало тому,

что мы сейчас могли бы назвать целостно-личностным подходом к проблеме одаренности⁶. Важнее другое — он привлек внимание к *внутреннему источнику* творческих достижений, к их зависимости от произволения самого человека. Поэтому позволительно сказать, что все последующие исследования, в которых подчеркивается ведущая роль мотивации в творческом развитии и которые посвящены феномену инициативы как критерия творческого потенциала человека [Богоявленская; Новлянская; Цукерман и др.; Чудинова], состоят в более или менее отдаленном родстве с трудом Ф. Гальтона.

Что касается самого метода «понимающего» анализа и обобщения данных о выдающихся людях, то он, при всей его «неточности», представляется более адекватным для постижения природы творчества, чем какой-либо искусственный эксперимент. Этим путем после Ф. Гальтона и независимо от него шли и другие ученые разных направлений и получали по существу тот же результат, хотя по-разному его интерпретировали.

Так, выдающийся генетик В.П. Эфроимсон, анализируя обширный биографический материал, подобно Ф. Гальтону, пришел к выводу, что творцов отличает не сверхвысокий коэффициент интеллекта, не особые специальные способности, а прежде всего — «фантастическая целеустремленность», «величайший непрекращающийся труд», «неизбежность напряжения всех своих сил» и т. п. Он справедливо подчеркивает ценность и уникальность творческого потенциала, с которым человек вступает в жизнь, но объясняет его действием генетических факторов, т. е. видит в последних не *условие* и *средство* материального воплощения творческой сущности человека (что означало бы выход в «вертикальное измерение»), а порождающую ее *причину* [Эфроимсон].

Гораздо ближе к пониманию духовных истоков творчества подходит основатель гуманистической психологии А. Маслоу, проявивший обостренную чуткость к тому в человеке, что важнее «приверженности делу», «инстинкта трудолюбия» или «фантастической целеустремленности»; к тому, что порождает эти качества, в них проявляется, но к ним не сводится. Несомненно, этому способствовало и мировоззрение, и личный внутренний

6. Заметим, что тот же Ф. Гальтон оказался основателем и альтернативного, измерительного направления в психологии одаренности, и логика науки XIX в. надолго сделала преобладающим это второе направление.

опыт А. Маслоу, и сам метод исследования: он общался с живыми собеседниками, а не работал с биографическим материалом.

А. Маслоу ищет определение тому, как относятся к своему делу люди, достигшие «самоактуализации», т. е. те, кто свободно и полно раскрывает в жизни и деятельности творческие возможности своего истинного «я», актуально становятся тем, кем они являются потенциально. Он считает слабыми для описания их отношения к делу даже такие слова, как «служение» или «призвание».

Мне кажется — пишет он, что уместнее говорить... о *«жертвоприношении»* в религиозном смысле... о *«возложении себя на алтарь служения»*... некой первопричине... которая больше человека и величественнее человеческого, ради чего-то неэгоистичного, внеличного (курсив мой. — А. М.-П.) [Маслоу, 315].

При этом ученый подчеркивает, что такой человек «приносит себя в жертву» не работе как таковой, а той *«высшей, «бытийной» ценности*, которую она для него олицетворяет. Таковыми, по Маслоу, являются Истина, Благо, Красота, Справедливость и ряд других [Maslow]. Например, для «самоактуализирующегося» адвоката профессиональная сторона адвокатской практики не самоцель, а инструмент служения одной из этих высших ценностей, а именно — Справедливости [Маслоу, 327].

Рефлексия творческого опыта

Исключительный интерес представляют не только обобщения исследователей творчества, но также необработанные материалы «из первых рук»: самоотчеты, признания, высказывания, сделанные по разным поводам выдающимися деятелями искусства и науки. Подтверждая выводы исследователей, творцы обогащают их многообразием и неповторимостью своего личного опыта.

И. П. Павлов отмечал: «...Я *непрестанно думаю о своем предмете, целиком сосредоточен на нем*, поэтому и получаю положительные результаты» (здесь и далее курсив мой. — А. М.-П.) [Гусляров]. С предметом изучения «*не должно расставаться ни на минуту, с ним надо засыпать и пробуждаться*» [Поставнев, 228].

М. Вебер пишет: «Кто не способен... проникнуться мыслью, что *вся его судьба зависит от того*, правильно ли он делает это предположение в этом вот месте рукописи, тот пусть не касается науки. <...> Мы не знаем ни одного большого художника,

который делал бы что-либо другое, кроме как служил делу и только ему» [Вебер, 708, 710].

«Отшельник из Экса», великий труженик и реформатор живописи Поль Сезанн в зрелые годы писал: «Я добился некоторых успехов. Почему так поздно и с таким трудом? Неужели искусство — это действительно *жречество, требующее чистых душ, отдавшихся ему целиком?*» [Сезанн, 147].

Другой замечательный французский художник, пейзажист Теодор Руссо признался в частной беседе, что, *если бы он был приговорен к смертной казни* и при этом имел листок бумаги и карандаш, он бы думал «только о том, как изобразить деревья в свете, небо в его сиянии, природу в ее красоте» [Руссо, 210].

Крупнейший палеоархеолог XX в. О.Н. Бадер говорил: «Если бы машина времени действительно существовала, я бы, не задумываясь, отдал всю свою жизнь за трехдневную командировку в каменный век с фотоаппаратом и записной книжкой. <...> И, поверьте, это никакая не жертвенность, это просто смысл моей жизни» [Бадер, 8].

В. И. Вернадский пишет в личном письме: «Ищешь правды, и я вполне чувствую, что могу умереть, могу сгореть, ища ее, но мне важно найти, и если не найти, то стремиться найти ее...» [Вернадский, 39].

С драматизмом этих максималистских высказываний контрастирует спокойная интонация М. М. Пришвина, который записывает в дневнике, что тайна писательского труда — «*обращать все-речь жизнь свою в слово*» [Пришвин, 49]. Но, по сути, он говорит о том же: кто «всерьез» принимает свое творческое служение, тот обменивает на него обычную человеческую жизнь — почти всегда в переносном, но вполне реальном смысле.

Когда вживаешься в эти признания, уже не кажутся неожиданными слова одного из оптинских старцев, который обмолвился, что «у художников в душе всегда есть жилка аскетизма, и чем выше художник, тем ярче горит в нем огонек религиозного мистицизма» (прп. Варсонофий, 20) [Искусство, 293]. Эти слова можно отнести не только к художнику, но ко всякому творцу, который «привержен делу» и готов в случае выбора «отвергнуть себя», лишиться всего, чтобы приобрести ту жемчужину, которая воплощает для него смысл его жизни. Такой человек на самом деле соприкасается — неосознанно, а лучше сказать сверхсознательно — с «художеством из художеств и наукой из наук» [Варнава (Беляев), 29].

Крупнейший русский философ и психолог-теоретик Н. О. Лосский, вероятно, первым в истории психологии обратил внимание на «самодовлеющие стремления», которыми руководствуются люди [Лосский Н. О.]. То есть на то, что важно для каждого из нас само по себе, а не в качестве средства достижения чего-либо другого; на то, «чем жив человек». С этой точки зрения он описал, в частности, людей «сверхличного» типа, для которых наиболее ценно и значимо нечто такое, что не имеет отношения ни к их житейскому благополучию, ни к признанию и самоутверждению в обществе (вспомним о высших ценностях А. Маслоу).

К этому человеческому типу Н. О. Лосский отнес всех истинных творцов в сфере религии, искусства, науки, общественной жизни. Трезвый наблюдатель, он видел, что многим из них в повседневности присущи эгоцентрические черты, но в момент творчества они исчезают, «стушевываются» при соприкосновении со сверхличным. Добавим, именно встреча со «сверхличным» дает творцу возможность создавать нечто такое, что очевидным для него самого образом превосходит его личные возможности и перерастает его замыслы.

Создается впечатление, что творческие люди стоят у порога религиозного опыта. Переступают ли они этот порог, можно судить лишь на основании их признаний, но существует немало причин, по которым человек не станет делиться таким опытом ни с собеседником, ни с будущим читателем. Возможно, полное самоотожествление с делом жизни мешает кому-то из творцов занять «позицию вневходимости» (М. М. Бахтин) и увидеть свою область творчества не как конечную ценность «в себе», а как один из путей сотворческого служения, осуществления Божьего замысла о мире, даже если фактически они делают именно это.

Известно, тем не менее, что многие великие люди ясно осознавали, с какой Реальностью они соприкасаются в творчестве и каков Источник их достижений. Почти хрестоматийными стали примеры И. Кеплера, которому небеса возвещали Славу Божью, Л. Пастера, молившегося в своей лаборатории, композитора И. Гайдна и многих других. Можно также привести менее известные примеры оперного певца и философа вокального искусства Дж. Лаури-Вольпи, пережившего опыт единения с Богом через пение [Лаури-Вольпи, 8, 247], и художника П. П. Чистякова, который, объясняя причину своих необыкновенных успехов в преподавании, говорил: «Бога-то я сильней всего чувствую, когда урок даю» [Форш, 63].

Заключение

Вернемся к поставленной в начале задаче сближения «религиозного» и «светского» (научного) подходов к проблематике творчества. Скажем еще раз: статья не претендует на «решение» этой проблемы! Однако представляется, что сказанное свидетельствует о *принципиальной возможности* встречного движения «сверху» — от религиозного понимания вневременного истока и целей творчества — и «снизу» — от изучения общих закономерностей и индивидуальных путей его реализации в пространстве-времени земной жизни. Мы видим, что на периферии культуры педагог и врач, математик и астроном, адвокат и живописец существуют как бы в разных отсеках действительности. Но, возвышаясь до служения сверхличным ценностям, они вступают в некую зону конвергенции, приближаются к единой вершине многогранной пирамиды, невидимым стержнем которой является высший вид творчества, «художество из художеств» — аскетика. Они идут различными путями, поначалу не сознавая этого, ко встрече с «Производящим всё во всех».

Но сказанное не нужно понимать лишь как «оправдание» светской культуры перед лицом веры, как основание для ее «христианизации». Есть и ценный приренок, способствующий расширению христианского мировоззрения и мироощущения. Приренок, позволяющий предугадать образ культуры, отличный от того, о котором с большим драматизмом писал В. Н. Лосский — культуры как томительной и безнадежной попытки человека заменить своими усилиями утраченное со-бытие и со-творчество с Богом [Лосский В. Н., 310].

Угадывается возможность иного образа культуры — фонаря с множеством разноцветных граней, которые светятся благодаря единому источнику и в то же время являют многообразие возможностей, таящихся в первоначальном белом свете. Тогда каждый творец сможет сказать, подобно Кеплеру: «Через мой труд прославляется Бог!». Тогда все мы, подобно Дж. Руми, научимся видеть, что все в мире денно и ночью являет собою Бога. К словам же апостола «Дары различны, но Дух один и тот же»^{*1} позволительно будет добавить: «Дух один и тот же, а дары различны».

*1 1 Кор 12:4

Источники

1. *Бадер* = Машина времени доктора Бадера // Советская культура. 1978. 12 июня. № 47 (6263). С. 8.
2. *Варнава (Беляев)* = Варнава (Беляев), еп. Основы искусства святости : Опыт изложения православной аскетики : В 4 т. Т. 1 : О трех степенях Богопознания. О предметах религиозного познания. «Душевный человек» в борьбе со страстями. Нижний Новгород : Изд. братства во имя св. князя Александра Невского, 1995. 472 с.
3. *Вернадский* = Владимир Вернадский = Vladimir Vernadsky : Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / [Сост. Г. П. Аксенов]. Москва : Современник, 1993. 685 с.
4. *Гусяров* = Гусяров Е. Иван Павлов: Я верю в силу мысли. 04.10.2014. URL: https://cult-and-art.net/prose/106046-ivan_pavlov_ja_verju_v_silu_mysli (дата обращения: 08.05.2023).
5. *Искусство* = Искусство // Симфония по творениям преподобных оптинских старцев : В 2 т. / [Ред.-сост. Т. Н. Терещенко]. 2-е изд. Москва : ДАРЪ, 2014. Т. 1 : А–О. С. 292–293.
6. *Зеньковский 1914* = Зеньковский В. В. Проблема психической причинности. Киев : Тип. Имп. ун-та, 1914. 435 с.
7. *Зеньковский 2008* = Зеньковский В. В. Собрание сочинений. Т. 2 : О православии и религиозной культуре : Статьи и очерки 1916–1957. Москва : Русский путь, 2008. 528 с.
8. *Лосский В. Н.* = Лосский В. Н. Догматическое богословие // Мистическое богословие : [Сборник]. Киев : Путь к истине, 1991. 310 с.
9. *Лосский Н. О.* = Лосский Н. О. Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма. Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 300 с.
10. *Пришвин* = Пришвин М. М. Дневники: 1948–1949. Москва : Новый хронограф, 2014. 824 с.
11. *Руссо* = Мастера искусств об искусстве. Т. 4. Москва : Искусство, 1967. 622 с.
12. *Сезанн* = Мастера искусств об искусстве. Т. 5. Ч. 1. Москва : Искусство, 1967. 448 с.
13. *Форш* = Форш О. Д. Художник-мудрец // Ольга Форш, С. П. Яремич. Павел Петрович Чистяков. Ленинград : Ком-т популяризации худож. изд. при Госуд. акад. ист. мат. культуры, 1928. С. 31–66.

Литература / References

1. *Антоний (Блум)* = Антоний (Блум), митр. Войду в Дом Твой. Санкт-Петербург : Сатисъ, 1994. 64 с.
Anthony (Bloom), Metr. (1994). I will enter your house. St. Petersburg : Satis Publ. (in Russian).
2. *Бахтин* = Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Он же. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1979. С. 361–373.
Bakhtin M. M. (1979). “To the methodology of the humanities”, in Idem. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow : Art Press, pp. 361–373.
3. *Богоявленская* = Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей. Самара : Федоров, 2009. 414 с.
Bogoyavlenskaya D. B. (2009). Psychology of creative abilities. Samara : Fedorov Press (in Russian).
4. *Булгаков* = Булгаков Сергей, прот. Церковь и культура // Он же. Два града : Исследование о природе общественных идеалов. Санкт-Петербург : РХГИ, 1997. С. 347–348.
Bulgakov S. N., archpriest (1997). “Church and culture”, in Idem. *Dva grada : Two cities: An inquiry into the nature of social ideals*. St. Petersburg : RKHGI, pp. 347–348.
5. *Вебер* = Вебер М. Избранные произведения. Москва : Прогресс, 1990. 808 с.
Weber M. (1990). Selected Works. Moscow : Progress Press (Russian translation).
6. *Дильтей* = Дильтей В. Описательная психология. Санкт-Петербург : Алетейя, 1996. 160 с.
Dilthey V. (1996). Descriptive psychology. St. Petersburg : Aletheya Publ. (Russian translation).
7. *Кирнарская* = Кирнарская Д. К. Музыкальные способности. Москва : Таланты-XXI век, 2004. 493 с.
Kirnarskaya D. K. (2004). Musical abilities. Moscow : Talents-XXI century Publ. (in Russian).
8. *Копировский* = Копировский А. М. Об искусстве до и после смерти искусства. Москва : Свято-Филаретовский институт, 2022. 342 с.
Kopirovskiy A. M. (2022). About art before and after the death of art. Moscow : St. Philaret Institute Press (in Russian).
9. *Кочетков* = Кочетков Георгий, священник. Проблема раскола между светским и духовным в человеке и обществе // Он же. Церковь и мир : Сборник статей. Москва : Братство «Сретение», 2004. С. 11–33.
Kochetkov Georgy, Fr. (2004). “The problem of the split between the secular and the spiritual in man and society”, in Idem. *Church and the world: Collection of articles*. Moscow : “Sretenie” Publ., pp. 11–33 (in Russian).

10. *Крутецкий* = Крутецкий В. А. Психология математических способностей школьников. Москва : Педагогика, 1968. 432 с.
Krutetsky V. A. (1968). Psychology of mathematical abilities of schoolchildren. Moscow : Pedagogy (in Russian).
11. *Лаури-Вольпи* = Лаури-Вольпи Дж. Параллельные голоса. Москва : АГРАФ, 2011. 478 с.
Lauri-Volpi J. (2011). Parallel voices. Moscow : AGRAF Publ. (Russian translation).
12. *Маслоу* = Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. Санкт-Петербург : Евразия, 1997. 430 с.
Maslow A. (1997). Far reaches of the human psyche. St. Petersburg : Eurasia Publ. (Russian translation).
13. *Мелик-Пашаев* = Мелик-Пашаев А. А. Доминанта и творчество // Вопросы психологии. 2021. №3. С. 80–91.
Melik-Pashaev A. A. (2021). “Dominant and creativity”. *Questions of psychology*, n. 3, pp. 80–91 (in Russian).
14. *Новлянская* = Новлянская З. Н. Можно ли учить творчеству? О проявлениях детской инициативы в процессе развивающего обучения литературе // Вопросы психологии. 2022. № 32. С. 111–122.
Novlyanskaya Z. N. (2022). “Is it possible to teach creativity? On the manifestations of children’s initiative in the process of developing teaching literature”. *Questions of Psychology*, n. 32, pp. 111–122 (in Russian).
15. *Поставнев* = Поставнев В. М. Психологические основания творческого долголетия // Психология одаренности и творчества / Под ред. Л. И. Ларионовой, А. И. Савенкова. Москва; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. С. 227–238.
Postavnev V. M. (2017). “Psychological foundations of creative longevity”, in L. I. Larionova, A. I. Savenkov (eds.). *Psychology of giftedness and creativity*. Moscow; St. Petersburg : Nestor-Istoriya Publ., pp. 227–238 (in Russian).
16. *Саврамис* = Саврамис Д. Сила религиозного (молитвенного) молчания // Вестник русского студенческого христианского движения. 1974. № 1. С. 17–32.
Savramis D. (1974). “The power of religious (prayer) silence”. *Vestnik russkogo studencheskogo khristianskogo dvizheniia*, n. 1, pp. 17–32 (Russian translation).
17. *Ухтомский* = Ухтомский А. А. Доминанта. Санкт-Петербург : Изд-во «Питер», 2020. 504 с.
Ukhtomskii A. A. (2020). *Dominanta*. St. Petersburg : Piter Press (in Russian).

18. *Цукерман и др.* = Цукерман Г. А., Билибина Т. М., Виноградова О. М. и др. О критериях деятельностной педагогики // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 3. С. 105–116. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150311>.
Tsukerman G. A., Bilibina T. M., Vinogradova O. M. et al. (2019). “On the criteria for activity pedagogy”. *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiia*, v. 15, n. 3. pp. 105–116 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/chp.2019150311>.
19. *Чудинова* = Чудинова Е. В. Учебная проба как проект и реальность в учебной деятельности подростков // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 2. С. 24–30. <https://doi.org/10.17759/chp.2017130203>.
Chudinova E. V. (2017). “Educational test as a project and reality in the educational activities of adolescents”. *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiia*, v. 13, n. 2, pp. 24–30 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/chp.2017130203>.
20. *Шмеман* = Шмеман Александр, протопр. Основы русской культуры : Беседы на Радио Свобода, 1970–1971. Москва : ПСТГУ, 2017. 416 с.
Schmemann Alexander, archpriest (2017). Foundations of Russian Culture: Conversations on Radio Liberty, 1970–1971. Moscow : PSTGU (in Russian).
21. *Эфроимсон* = Эфроимсон В. П. Генетика гениальности. Москва : АСТ, 1988. 274 с.
Efroimson V. P. (1988). Genetics of genius. Moscow : AST.
22. *Galton* = Galton F. (1869). Hereditary genius. An inquiry into its laws and consequences. London : Macmillan and Co.
23. *Maslow* = Maslow. A. (1964). Religions, Values and Peak Experiences. Ohio State University Press.
24. *Renzulli* = Renzulli J. S. (2012). “Reexamining the Role of Gifted Education and Talent Development for the 21st Century: A Four-Part Theoretical Approach”. *Gifted Child Quarterly*, v. 56 (3), pp. 150–159.
<https://doi.org/10.1177/0016986212444901>.

Информация об авторе

А. А. Мелик-Пашаев, д-р психол. наук, главный научный сотрудник Психологического института Российской академии образования.

Information about the author

A. A. Melik-Pashaev, Dr. Sci. (Psychology), Chief Researcher, Psychological Institute of Russian Academy of Education.

Статья поступила в редакцию 22.03.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 20.05.2023.